

Читаю вслух:

*Раскрыла Шамхат груди, свой срам обнажила,
Увидел Энкиду — забыл, где родился!
Не смущаясь, приняла его дыханье...
Наслаждение дала ему — дело женщин, —
Ласки его были ей приятны.*

— Это, — говорю я своему приятелю, — древнешумерский эпос о Гильгамеше и — любовь, как понимал её тогдашний поэт. Понимал — как добротное, красивое и природно-простое отношение между мужчиной и женщиной. В стихах поэта отразилась наивная чистота героев эпоса. Нет в них пошлости, как нет её и в самой любви. Но нет в этом описании любви свидетельств о платоническом её начале. Есть, по сути, описание её физиологического проявления.

— А что бы ты хотел? — возразил мне мой приятель. — Безвестный сказитель «Гильгамеша» описал любовь такой, какой понимали её, наверное, и другие шумеры. И не только шумеры.

Первым страницам Библии, по времени сопоставимым с «Гильгамешем», известно лишь такое, более земное, отношение между полами: «Адам познал Еву, и она зачала... И познал Каин жену свою, и она зачала...» Право, здесь не любовь — чувство, а демографическая необходимость. Надо было «плодиться и размножаться».

А Гомер, древнегреческий поэт? Вот как Парис обращается к Елене, своей возлюбленной:

*Ныне почием с тобой и дарами любви насладимся.
Пламя такое в груди у меня никогда не горело...
Рек он — и шествует к ложу, за ним и Елена супруга.
Вместе они на блистательно убранном ложе почили.*

Трудно поверить, что из-за такого «блистательно убранного ложа» вспыхнула десятилетняя война, дотла спалившая Троию. Однако, и это — любовь, как понимал её Гомер.

А великая Сапфо? Она, напротив, отказывала любви в земном её происхождении:

*Эрос вновь мучит меня истомчивый —
Горько-сладостный, необоримый змей.*

Любовь, по Сапфо, — смутное и тяжёлое влечение, внушаемое Эротом (Эросом)...

Прошло некоторое время — и родилась на страницах Библии дивная песня любви. Исполнена она царём Соломоном и его возлюбленной.

«О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими; волосы твои, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской...»

Как половинки гранатового яблока, ланиты твои. Два сосца твои, как два козлёнка, двойни серны. Живот твой — круглая чаша, в которой не источается ароматное вино; чрево твоё — ворох пшеницы, обставленный лилиями. Этот стан твой похож на пальму, и груди твои на виноградные кисти... Кто эта блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знамёнами?..»

Всё есть в этой Песне — и восхищение возлюбленных друг другом и вожделение, и наслаждение...

Отсюда недалеко до «Я помню чудное мгновенье» (Пушкин), «Любовь, любовь — гласит преданье —/ Союз души с душой родной» (Тютчев), «Мария, дай!» (Маяковский), «...когда замираю, смиренная, / На груди твоей снега белей, / Как ликует твоё умудрённое / Сердце — солнце отчизны моей!» (Ахматова).

Русская поэзия воспела любовь с её богатейшей гаммой оттенков.

Я согласился с моим приятелем.

— Ты прав. И вот что ещё я добавил бы: как деликатно и вместе с тем образно сказал шумер-поэт о физическом проявлении любви: «не смущаясь, приняла его дыханье». А Энкиду, увидев Шамхат с её женским обаянием, «забыл, где родился» (лучше: забыл, что родился). В этом стихе — и восхищение женщиной и желание иметь её.

Правда, в данном моём утверждении есть некое разночтение с моим же прежним мнением, что в «Гильгамеше» нет описания платонической любви. Приходится, однако, признать, что если бы не было платонического восхищения Энкиду своей возлюбленной и, далее, Адамом и Каином своими жёнами, то не было бы и «познания» ими своих женщин. То есть, и в шумерской, и древнегреческой, и древнееврейской действительности платоническая любовь была (не могла не быть), но речи о ней в письменности пока ещё не было.

— Ну да, — отозвался мой приятель.

— Что касается «срама» Шамхат, то это срам не в сегодняшнем истолковании — как нечто бранное, порочное, — но как интимная часть тела женщины, следовательно, часть прекрасная.

— А ты не находишь, — вдруг говорит мой приятель, — некую связь Ахматовой с Шамхат? По крайней мере, буквенное созвучие?

— И правда, — отвечаю я после секундного замешательства. — Может, не только буквенное... Кстати, эпос «Гильгамеш» переводил Владимир Казимирович Шилейко, второй муж Анны Андреевны.

25 марта 2018

Месяц острый, как топор,
Надо мною занесённый,
Чур меня! Я с давних пор
Невесёлый, невлюблённый.
Месяц, помнишь иль забыл,
Был ты Круглою Луною,
Под которою любил
Я встревоженной душою?
Соловей нас обучал
Своему наречью, — только
Лучше б, кажется, молчал:
Понял я, она нисколько.
Хоть я знаю твой язык,
Да промолвить слова не с кем.
Чур меня! Я пообвык
Жить за тусклой занавеской.

Пока я жив, бессмертна ты.
Я потому переживаю,
Что, как умру, твои черты,
Возможно, люди затеряют.

И я хочу открыть звезду,
Чтоб имя ей твоё присвоить!
Тогда всегда, пусть я уйду,
Сердца ты будешь беспокоить.

1970

